

Виктор Буренин

**Венок и швабра,
или Сюрприз драматургу**

Виктор Петрович Буренин Венок и швабра, или Сюрприз драматургу

Аннотация

Мело-трагедия с недоразумениями в четырех картинах, с фантастическим прологом, небывалым эпилогом, хором и танцами петербургской Зги и разрушением театра.

Содержание

Лица	5
Пролог	7
Картина 1	11
Картина 2	20
Картина 3	24
Картина 4	26
Эпилог	31

Виктор Буренин

Венок и швабра, или Сюрприз драматургу

Мело-трагедия с недоразумениями в четырех картинах, с фантастическим прологом, небывалым эпилогом, хором и танцами петербургской Зги и разрушением театра.

Читана в литературно-театральном комитете¹ по 5 рублей с картины. За пролог и эпилог взята членами комитета особая приплата по рублю. Одобрена безусловно для первых представлений.

¹ *Литературно-театральный комитет* – состоял из писателей и актеров и определял пригодность пьес для сцены.

Лица

Мордарий Драмоделов, московский драматург.

Таинственный незнакомец².

Владимир Немирович-Данченко, **Владимир Александров**, **Владимир Карпов**³, **Отставной Калхас**⁴ – московские мастеровые Драматургического цеха.

Унтер Карпов.

Петербургская Зга.

Извозчик.

Первый голый.

Второй голый.

Третий голый.

Четвертый голый.

Голос г. Флерова.

Голос г. Ивана Иванова.

Голос из почетного купечества.

Голос мужика из райка.

Разные другие голоса.

² *Таинственный незнакомец* – намек на псевдоним А. С. Суворина.

³ *Владимир Карпов* – возможно, драматург В. Г. Карпов-Крымский.

⁴ *Калхас* – герой оперетты Оффенбаха «Прекрасная Елена». Весьма возможно, что пародия связана с драматическим этюдом А. П. Чехова «Калхас» (1886), рисующим престарелого комика Светловидова в костюме Калхаса, горящего о том, что он загубил талант, паясничая и развращая умы.

Швабра.

Публика театральная; присяжные александринские театралы⁵, рецензенты, балетоманы, папильоны⁶, актеры, одетые кучерами, и проч.

Действие пролога близ Москвы; четырех картин – в Петербурге; эпилога – в бане.

⁵ Александрийские театралы – постоянные посетители АТ.

⁶ Папильоны (papillons, франц.) – легкомысленные люди.

Пролог

Ночь. Дикое место близ Москвы. На заднем плане видна Шишвая горка⁷. Посредине сцены котел на огне.

Мордарий Драмоделов, Владимир Александров, Владимир Немирович-Данченко, Владимир Карпов и множество других московских мастеровых драматургического цеха образуют круг около котла; у всех в руках огромные перья наподобие метел.

Владимир Немирович-Данченко

Флеров три раза кричал.

Владимир Карпов

Простонал Иван Иванов⁸.

Владимир Александров

⁷ *Шишвая горка* – нарочитое искажение названия московской улицы Шшивая горка.

⁸ Опытные читатели легко припомнят, что в сем прологе автор подражал известной сцене ведьм в четвертом действии «Макбета», причем филина, кричащего три раза, и мяукающего кота заменил московскими театральными критиками – г. Флеровым и г. Иваном Ивановым.

Час варения настал
Всяких пьес для балаганов,
Клубных сцен, кафешантанов,
Для театров двух столиц.

Все мастерские драматургического цеха

Заварим для пьес сто лиц
Пошлых, глупых и похожих
На лакеев из прихожих,
На торговков площадных;
Говорить заставим их
Бездну глупостей и вздоров...

Владимир Немирович-Данченко

Чу! три раза крикнул Флеров!

Все мастерские драматургического цеха

Закипай в котле, вода,
Разводись в ней ерунда!

Вливают в котел ланинского шампанского и бросают всякую дрянь, как-то: замоскворецкое остроумие, гостинодворские каламбуры, цыганско-стрельнинские романсы⁹

⁹ Цыганско-стрельнинские романсы – намек на цыганский хор в московском ресторане «Стрельня».

*и куплеты, московского трагика под хреном, обрывки фее-
рий и мелодрам времен Радиславского и Тарновского, коче-
рыжки от драматической капюсты Шпажинского, огрызки
«сценичности» из пьес Дьяченки и т. п. Все усердно переме-
шивают перьями, кружась около котла.*

Все мастераые [драматургического цеха]

(перестав мешать в котле, пробуют варево)

Что за дивная окрошка!

(Обращаясь к Мордарию Драмоделову.)

Подожди еще немножко,
Дай остыть ей, и потом
Зачерпни ее ковшом –
Выйдет миленькая пьеска!

Владимир Александров

Дунул ветер утра резко...

Все мастераые драматургического цеха

Флеров три раза кричал:
Расставанья час настал!

Разлетаются. Остается один Мордарий Драмоделов,

*до самого рассвета переливающий драматическое варево
из котла в четыре лоханки, по числу действий в его пьесе.*

Картина 1

Цветочная лавка на Невском проспекте, открытая оставным Калхасом, после того как «Прекрасная Елена» сошла с казенной сцены¹⁰ и водворилась в «Аркадии»¹¹ и других увеселительных заведениях низшего разряда, где даются спектакли не только распивочно, но и на вынос.

Калхас

(оглядывая лавку)

Цветы. Все цветы. Слишком много набралось сценических цветов: не продам и в двадцать лет. Карпов! Карпов!¹²
Куда ты запропастился?

¹⁰ «Прекрасная Елена» сошла с казенной сцены... – Оперетта Оффенбаха, ставившаяся в 70-х годах на сцене императорских театров в Москве и Петербурге.

¹¹ «Аркадия» – кафешантан купца Д. А. Полякова, где исполнялись оперетты (см.: А. Кугель, Театральные портреты, М.-П., изд-во «Петроград», 1923, стр. 177).

¹² Автор просит не смешивать унтера Карпова с г. Карповым, одним из новейших московских драмоделов, сочинившим «Жрицу искусства» и «Рабочую слободку, или Коготок в драмоделии увяз – всей птичке пропасть» («Жрица искусства», «Рабочая слободка» – намек на пьесы Евт. Карпова (1891, 1892).). В создании Карпова автор подражал Дмитричу из «Власти тьмы» (Дмитриш из «Власти тьмы» – намек на персонаж пьесы Л. Н. Толстого «Власть тьмы» – оставного солдата, старика-работника Митрича.). Особенно подражание выражено в поговорке: «в рот им пирог с визигой», «в рот им кулебяку с копченым сигом» (В рот им пирог с визигой – пародия на реплику Митрича: «в рот им ситнего пирога с горохом» (сцена 2, явл. 1).) и т. п.

Унтер Карпов

(появляясь из глубины сцены)

Чего изволите?

Калхас

Туши огни. Пора закрывать магазин. В Александринке уже началось представление. Верно, сегодня венков покупать не будут.

Карпов

Нонече в театер венков что-то и совсем не требуют, в рот им пирог с визигой! Больше все для кладбищ отпускаем. С этой флузницей, в рот ей растегай с творогом, вишь мор какой пошел...

Калхас

Да кому и венки-то нынче в театре подавать? Прежде вот Виктора Александрова играли. А теперь Владимир Александров пошел, Владимир Немирович-Данченко, Владимир Карпов. Все вишь Владимиры; недаром хотят завладеть театральным миром.

Внезапно раскрывается дверь лавки. Сначала в нее ничего не видно, кроме петербургской погоды. Влетает несколько комков грязи от резиновых шин. Потом на фоне петербург-

ской погоды выделяется силуэт таинственного незнакомца в плаще и маске. Из кармана плаща торчит московский калач и откупоренная бутылка ланинской воды, которая шипит во все остальное время действия первой картины.

Таинственный незнакомец

Что, есть у вас готовые венки –
Роскошные венки для драматургов?
Но подешевле?

Калхас

Дорогих венков
Для драматургов не бывает: держим
Дешевые мы только. Для актрис
Бывают дорогие: для балетных,
Для опереточных, и мертвецам порой
Берут венки из дорогих.

Таинственный незнакомец

Прекрасно. Так покажите.

Калхас

Карпов, принеси
Венок – ну, знаешь, тот, что из брусники.

Таинственный незнакомец

Вы говорите: из брусники?

Калхас

Да. Но вы не беспокойтесь: лист зеленый
И свежий, лучше всяких лавров.

Карпов приносит венок.

Вот.

Таинственный незнакомец *(рассматривая венок)*

Недурен.

Калхас

Самый авторский, поверьте.

Таинственный незнакомец

Гм... авторский...
Но, знаете ль, кому,
Какому автору он предназначен

Чело украсить? Вам известно, что
Идет сегодня?

Калхас

(хитро, по-театральному, подмигивая правым глазом)

Многое тут ходит
По петербургской-то погоде: где ж
Знать, что идет?

Таинственный незнакомец

Да-да, но не об этом
Я говорю... Я разумел: идет
В театре пьеса. Автор – знаменитости
Мордарий Драмоделов, из Москвы;
Венок ему, как дань его таланту,
Что стоит?

Калхас

Два двугривенных всего.

Таинственный незнакомец

Я три даю: Мордарий Драмоделов
Достоин в три двугривенных венка –
Не менее. Итак, в театр отправьте

Венок от имени от моего.

Калхас

А как,
Узнать позвольте, имя ваше?

Таинственный незнакомец

(внезапно смутившись и краснея под маской)

Имя?

Гм... все равно... не нужно имя знать:

Пусть посланный подаст: «От одного

Из петербуржцев»...

Калхас

(проницательно подмигивая, по-театральному, левым глазом)

Но ведь вы москвич?

Таинственный незнакомец

(испуганно)

Как вы узнали?

Калхас

(с притворной суровостью)

А по калачу вот!

Таинственный незнакомец

(отчасти с испугом, а отчасти с негодованием)

Поколочу?! Вы говорите мне:
Поколочу!?

Калхас

Ну да: вот из кармана
У вас торчит калач, так тотчас я
По калачу вас... угадал... недурен
Мой каламбурец? Хе-хе-хе...

Таинственный незнакомец

(успокоившись и даже с восторгом)

О, да:
Прекрасный каламбур: он годен в пьесу,
Я запишу его и помещу
В мою комедию...

(Вдруг спохватывается.)

Гм... Извините.
Я заболтался... мне пора: спешу

На представление в Александринке.
Вот три двугривенных. Прошу венки
Доставить во-время в театр. Прощайте.

(Уходит и исчезает в петербургской погоде, оставив на прилавке три двугривенных.)

Калхас

(нюхает табак и подмигивает унтеру Карпову)

Вишь какой проворный. Пропал, словно в люк спустился. А ведь это он самый автор-то и есть: господин Мордарий Драмоделов. Нынче они все так-то эти московские авторы подстраивают: сам себе венки купит и себе самому подносит в первое же представление. И потом еще сам же и удивляется: как, говорит, ко мне благосклонна Санкт-Петербургская публика. Благодарю, говорят, не ожидал, хе-хе-хе. Дошлый народец, что и говорить. А все-таки на всякую московскую старуху проруха бывает: калач-то забыл припрятать, ан калач-то его и оказывает... Ну, да бог уж с ним: пускай себя потешит. Стащи, Карпов, бруснику-то эту в театр. Подай ему из оркестра после третьего действия. Да подай, смотри, половчее, хорошенько, прямо ему на голову вздень, пусть ходит в венке весь день, хе, хе, хе.

Карпов

Ох, в рот им с сигом кулебяку, авторам этим. Чего только

не вздумают: бруснику на голову вешать...

(Кряхтя взваливает венок на плечи и уходит.)

Картина 2

Сцена представляет петербургскую погоду. При открытии занавеси невидно ни зги, только хлещет дождь, смешанный с снегом; сперва хлещет справа налево; потом – слева направо; потом – прямо снизу вверх; потом прямо сверху вниз; наконец, ожесточенно принимается хлестать разом и так и сяк, и эдак. Со всех сторон слетаются и кружатся по сцене Зги.

Зги

(хором)

Мы, петербургские Зги,
Всюду летаем
И заползаем
Жителям здешним в мозги.

(Мгновенно исчезают.)

По сцене медленно едет извозчик с обдерганной полостью, прицепленной измочаленными веревочками к спинке саней. На извозчике сидит Мордарий Драмоделов. На этот раз, он без плаща и без маски, в своем виде: на лице его необыкновенно московско-самодовольно-лукавое выражение.

Мордарий Драмоделов

Ну, кажется, все сделано, что нужно
Для обеспеченья успеха пьесы:
Венок заказан. И в раек и в кресла
Подсыпано десятка два иль три
Усердных хлопальщиков. Рецензенты
Распивочных листков¹³ почтят хвалой,
Зане им дадено. Побольше сотни
Отсыпать Шантажистову пришлось;
Строчила этот хапает повсюду:
С актрис, с кокоток, с авторов, с портных,
С трактирщиков, с антрепренеров разных
Закрытых и открытых летних сцен
И даже с тех девиц, что по проспекту
Гуляют ночью. Ловкий человек!
Его бы к нам, в Москву: он стал бы сразу
Главой шантажной прессы; в краткий срок
Нарвал бы он с купцов большие деньги!
Завидую ему: каналья – да,
Но гений, гений, Чичикову равный...

На думской каланче¹⁴ бьет четверть восьмого.

¹³ Рецензенты / Распивочных листков почтят хвалой... – Распивочные листки – бульварные и реакционные газеты типа «Русского листка» (1890–1907).

¹⁴ На думской каланче – имеется в виду башня с часами здания городской думы в Петербурге.

(Драмоделов вздрагивает, очнувшись от мечтаний.)

Восьмого четверть! Черт возьми: пора!..

(Извозчику.)

Ступай скорей! Из-за тебя, пожалуй,
На представленье опоздаю я.

Извозчик

Поспеете, барин, не сумлевайтесь. У нас эти пьесы в театре весь вечер бывают! Господа выдут в двенадцать часов, наймут нас, извозчиков, домой, так едучи-то, ругаются, ругаются: сколько этаких глупостей, говорят, с половины седьмого до полуночи в театре наслушаешься.

Мордарий Драмоделов

Болван! Как ты смеешь так говорить? Разве тебе известно, что нынче дают в театре?

Извозчик

Что дают при театре? Как же не известно? Нам, извозчикам, не впервой, нам завсегда известно, что при театре дают.

Мордарий Драмоделов

Но что же, что же дают?

Извозчик

Да городовые по шее дают, коли, значит, замешкаемся
у подъезда...

Проезжают.

Картина 3

Подъезд Александрийского театра; сквозной ветер.

Унтер Карпов

(пьяный)

Хозяин говорит: «Неси венок
В теятер. Слышишь, Карпов?» Слышу,
В рот вам с визигой пирога. Пошел.
Погода, господи мой боже, ровно
Сибирь балканская: в ноздрю и в глаз
Дождем и снегом порошит. Не можно
Без выпивки дойти до места. Стоп –
Айда в кабак. А денег – ни полушки.
За стойкой, в кабаке, Иван Мартыныч;
Любезный человек, что говорить,
Да даром не отпустит даже капли,
С миногою ему ватрушку в рот!
Что делать Карпову? «Мартыныч, друг,
Дашь сороковку за бруснику эту?»
«Покажь-ка, ну?» Поразглядел. Смекнул.
«Годится для настойки. Отпускаю.
Со всем расположеньем». Хорошо.
Сейчас я эту сороковку разом
В нутро. Размаяло. А впрочем, долг
Свой унтер Карпов позабыть не может,

Хотя и пьян. Хозяин приказал
Идти в театр. Чудесно. С чем идти,
Коли венок Мартынычу остался?
«С чем?» говорю. Мартыныч, живодер,
Смеется в ус. «А вон возьми хоть швабру,
Да и снеси, куда те дан приказ».
Прекрасно. Все единственно: венок ли
Аль швабру подадим в театре мы
Для господина автора: извольте
В знак нашего почтения получить,
В рот вам с сигом копченым кулебяка!

(Уходит в одну из дверей театрального подъезда.)

Картина 4

Зал и сцена Александрийского театра. Избранная публика первых представлений. В ложах бельэтажа мною почетного, но сильно пьяного купечества; некоторые из купечества во время представления внезапно вскрикивают спросонья «караул»; другие зевают, расширяя рот столь широко, как будто хотят проглотить театральную люстру, и приговаривая при этих зевках про себя, но так, однако же, что слышно на Невском: «Господи, огради уста мои». Присяжные александрийские театралы: один, по рассеянности, в огромных галошах; у другого вместо галстука повязан шерстяной носок. Два присяжных балетомана, забредшие по ошибке вместо Мариинского театра в Александрийский и тотчас же занявшие пустые кресла даром, громко и нахально переговариваются из кресел в литерную ложу с какой-то отставной кокоткой, которая кивает им головой, причем у ней с носа в изобилии сыплется пудра прямо на лысины балетоманов. Присяжные театральные рецензенты; у одного флюс. Два присяжных александрийских драматурга; сидят в креслах: один около бенуара с левой стороны, другой – с правой; несмотря, однако же, на расстояние между драматургами во всю ширину театрального зала, взаимная ненависть их столь горяча, что они прожигают ею друг друга; в антрактах не выходят из кресел

в коридор из опасения как-нибудь встретиться лицом к лицу: оба знают, что при этом непременно раздерутся насмерть. Три облезлых действительных тайных аркадийских папильона одеты в куцые смокинги, но с орденами на шее; каждый держит под ручку девицу резвого поведения и блаженно улыбается.

При поднятии занавеса на театральной сцене оканчивается третье действие новой пьесы Мордария Драмодолова: «Ах, Москва, Москва, Москва, золотая голова». Декорация изображает московский увеселительный трактир «Разлюли-малина». Направо соединенный малороссийский хор; налево соединенный цыганский хор; посредине соединенный хор русских песенников, балалаечников и национальных артистов на сопелках. У самой суфлерской будки двенадцать актеров, наряженных кучерами, отжаривают с дикой энергией трепака.

Соединенный цыганский хор

Конфета моя
Ледянистая!
Дайте ножик, дайте вилку,
Я мою зарежу милку!

Соединенный малороссийский хор

Гоп, гоп, гопака

На четыре пятака!
Таки усь! Яки усь!
Полюбил меня Петрюсь!
Як уся! Так уся!
Полюбила Петрюся!

Соединенный хор русских песенников, балалаечников и национальных артистов на сопелках

Ах, такой-сякой камаринский мужик!
Он бежит, бежит, бежит, бежит...

Двенадцать актеров, наряженных кучерами, неистово откалывают известное самое эффектное на трепака, почти касаясь сиденьями театрального пола и вскидывая разом обе ноги выше головы; с ног шести актеров от страшной выразительности национальных на слетают двенадцать вымазанных дегтем сапогов, перелетают через весь театральный вал под потолком и обрушиваются в раек. Занавес падает; но еще четыре сапога, слетевшие с пляшущих актеров уже после спуска занавеса, пробивают его насквозь и уппадают в партер. Запах национального дегтя. В театре буря рукоплесканий.

Голоса публики

Браво! Браво! Всех! Всех!

Голос из пьяного почетного купечества

Распрравсех!

Голоса «подсыпанных» в райке в в партере хлопальщиков

Автор! Автора! Автора!

Голос из пьяного почетного купечества

Распрроавтора!

Поднимается занавес. Выходит Мордарий Драмоделов, выводимый шестью кучерами за правую руку и другими шестью – за левую. Он раскланивается с блаженной улыбкой, оскаливая крупные фальшивые зубы. Дирижер оркестра делает Мордарию знак приблизиться к рампе для «поднесения» от публики подарка. Мордарий подлетает к самой суфлерской будке, улыбаясь еще блаженнее и выставляя фальшивые зубы почти до пюпитра дирижера.

Унтер Карпов

(протягивает швабру из оркестра через суфлерскую будку, почти к самым фальшивым зубам автора, как будто собираясь их прочистить шваброй)

Примайте, вашескородие, по заслуге!

Полное осто́лбене́ние в театре.

Голос мужика с самого верхнего места в райке

Из каких автур-то будет? Из жидов, что ли?!

Момент общего изумления и безмолвия. Затем весь театр обрушивается и превращается в груды развалин, над которыми в виде флага торчит швабра.

Эпилог

Театр представляет баню. Несколько голых моются на скамьях и на полке. Входит Мордарий Драмоделов, также голый, останавливается у рампы и внимательно прислушивается к разговорам голых.

Первый голый

(намыливая себе голову)

А ведь Матрена-то у нас в позапрошлую пятницу сковырнула.

Второй голый

О? С чего же это она так-то?

Первый голый

Пес ее знает с чего! Сяжки что ли с утра поела, да кофей попила. А к вечеру ее так скочеряжило, так скочеряжило, братец ты мой: скоропостижно, без должной отделки, душу богу отдала.

Второй голый

(трет себе мочалкой спину)

Это бывает по нынешним временам.

Третий голый

Перцовкой бы ее хорошенько вытереть по суставам: может, и отошла бы, старушка.

Четвертый голый

А то в нутро керосину из лампы: очинно даже хорошо это перед смертью способствует...

Разом умолкают и только мылят и трут себя мочалками.

Мордарий Драмоделов

(уныло)

Черт знает какие глупые разговоры!.. И ни слова о моей пьесе! А кажется, имела выдающийся успех: даже театр разрушился после первого представления. Вот каков этот Петербург! Ужасно холодный и ко всему равнодушный город! То ли дело Москва. У нас в Москве на другой день после первого представления в баню придешь, так там стон стоит от споров и рассуждений насчет пьесы. Все тут в бане-то: и Флеров, и Иван Иванов, и Федотов, и Стороженко, и Веселовский, и Тарновский. Даже тень Юрьева на полке парится. А тут все какие-то неизвестные сидят и разговаривают о какой-то Матрене. Грустно! Невыносимо грустно и тяжело. Положим, я имел успех огромный, невероятный. Но вместе с этим и какой-то странный: вместо венка поднесли швабру.

Зачем швабру? Почему швабру? Еще раз повторяю: грустно, невыносимо. Я понимаю Гоголя после представления «Ревизора»¹⁵.

(Уезжает в Москву в голом виде.)

¹⁵ Я понимаю Гоголя после представления «Ревизора» – Гоголь тяжело переживал отрицательное отношение консервативных кругов к его комедии.